

Выходные данные:

Бочаров А.В. Участие молодежи в реализации «цветных революций»: прогнозирование и предупреждение // Современная Россия в лабиринтах развития: XV Всероссийский молодежный форум 26 апреля 2017г. [Электронный ресурс] / Сост. О.М. Трофимова, К.С. Черемкина, М.А. Позднышев. – Екатеринбург: Уральский институт управления - филиал РАНХиГС, 2017. С. 375-382.

Бочаров Алексей Васильевич
alexvoc@bk.ru

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В РЕАЛИЗАЦИИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Протестные акции в городах России 26 марта 2017г. привлекли значительное и несвойственное прежде количество молодежи. Антикоррупционные лозунги, объединившие митингующих, показали свою эффективность и эффективность в ходе свержения многих современных политических режимов, что исследовалось автором данной статьи в предыдущих работах [1].

Неординарные политические мероприятия, совершенные с использованием стихийных массовых волнений и привлекательных медиатизированных символов, произошли в конце XX – начале XXI вв. в различных странах и регионах мира (как правило, с неустойчивыми, имитационными демократическими институтами) и получили в публицистическом и научном дискурсах наименование «цветные революции».

По поводу 100-летия Октябрьской революции 1917г. в России становятся популярными аналогии, до степени смешения, между революционными событиями различных эпох. Вместе с тем, прямые сравнения «цветных революций» с великими революциями (французской 1789-1799гг., социалистической 1917г.), сопровождавшимися сменой классовой гегемонии и глубинной социальной трансформацией, являются нерелевантными для

исследований, объектом которых выступают новейшие революционные процессы и события.

Признанный современный теоретик революций Дж. Голдстоун, наполняя содержанием дефиницию «цветные революции», отмечал их «общий набор элементов: а) попытки изменить политический режим, опирающиеся на конкурирующее представление (или представления) о справедливом строе; б) заметную степень... мобилизации масс; в) попытки форсировать перемены посредством таких неинституционализированных шагов, как массовые демонстрации, пикеты, забастовки или насильственные действия» [2, с. 61]. Популярная в России идея о том, что «цветные революции» инспирированы из-за рубежа, в рамках настоящей статьи не рассматривается, т.к. является обособленным предметом дискуссии в политической науке.

Согласно структурно-демографической теории революций Голдстоуна, в большинстве случаев движущим коллективным авангардом протеста «цветных революций» является молодежь. И хотя в отечественной политической науке имеются представления о том, что «черта, которую часто полагают особенностью «цветных революций», - активное участие в них молодежи - в действительности является общим признаком всех революций» [7, с. 37], теория Голдстоуна все-таки привнесла ряд уникальных положений в изучение влияния «молодежного фактора» на реализацию подобных революционных проектов.

Так, «повышенный риск политического насилия» ученый связывает с ростом численности образованной молодежи, которая сталкивается с ограничениями в доступе к «элитным политическим и экономическим позициям». Кроме того, он ввел понятие «youth bulge» («молодежный бугор») – революционно-значимого демографического явления, означающего расширение доли возрастной когорты граждан 15-25 лет «по отношению к совокупному взрослому населению, особенно там, где политические институты слабы» [10, р. 14].

С одной стороны, для адекватного понимания потенциала молодежи в политических преобразованиях целесообразно исходить из базовых демографических индикаторов. Они существенно дифференцированы в глобальном географическом разрезе: «Страны с молодежной возрастной структурой и быстро растущим населением образуют полумесяц, простирающийся от региона Анд в Латинской Америке до районов Африки южнее Сахары, Ближнего Востока, Кавказа и северных регионов Южной Азии» [5, с. 59]. Согласно прогнозам, революционно-взрывоопасными являются, например, арабские государства. Среди них «с особо высокими структурно-демографическими рисками дестабилизации в ближайшем будущем будут оставаться Йемен и Палестинская Автономия, в которых быстрый рост численности молодого населения продлится до 2040-х гг.» [4, с. 6]. Россия, напротив, в соответствии с данной логикой не имеет рисков радикального политического переустройства молодежными силами, поскольку население страны стареет, неуверенный тренд превышения рождаемости над смертностью демонстрирует разворот, т.к. «входит в свой фертильный возраст поколение девяностых, которое чрезвычайно немногочисленно» [8].

С другой стороны, аксиомой политической истории служит тот факт, что для свершения революции не требуется активное участие большинства населения страны. Поэтому структурные проекции и прогнозы по динамике его численности, состава и влияние демографических показателей на переломные политические моменты представляются в определенной мере условными.

Рассматривая роль молодежи в «цветных революциях», следует исходить из взаимосвязанных социальных и идеологических предпосылок политической активности низковозрастных групп.

К социальным факторам, наряду с вышеназванным «молодежным бугром», исследователи относят «фактор интенсивной урбанизации» в результате устремления молодежи как «наиболее радикально настроенной части населения» в города. Последние «являются государственными и региональными центрами политической системы. А поскольку молодежь может

дополнительно концентрироваться еще и внутри городов (например, на крупных предприятиях или в учебных заведениях), это может привести к самой серьезной политической дестабилизации даже в условиях вполне стабильного экономического роста (для этого достаточно лишь талантливых радикалистских агитаторов плюс несколько ошибочных действий со стороны властей). А если, скажем, экономический подъем сменится несколькими годами экономического спада? Тут уже избежать самых серьезных политических потрясений оказывается крайне и крайне сложно», - столь актуальное предвидение на достоверных исторических сопоставлениях в своей работе 2012г. высказывали российские обществоведы Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев [3, с. 242].

В связи с этим в академической среде принято считать первостепенными социально-экономическими катализаторами возникновения революционных ситуаций, в том числе, высокий «уровень безработицы среди молодежи, долю безработных с высшим образованием среди молодежи» [4, с. 7].

Соответственно, главными в идейной мобилизации протестующих молодых людей (тем более, с учетом максимализма, характерного для психологии их социальной группы) становятся концепты отстаивания справедливости, а также борьбы с несправедливостью и ее производными: произволом, коррупцией, гигантским социальным расслоением, отсутствием социальных лифтов, нечестными выборами, отменой избираемости должностных лиц, референдумов и т.п.

Анализируя участие молодежи в «цветных революциях», необходимо принимать во внимание превентивные и реактивные методики и инструментарий, доступные и реализуемые властями (в классификации политической науки – авторитарными) для сохранения действующего режима.

Применительно к молодежной когорте государственные акторы находятся в уязвимом положении по ряду причин. Так, если рассматривать пропагандистскую профилактику «цветных революций» силами государственных СМИ, то их результативность в отношении молодежной аудитории, находящейся в своей стремительно меняющейся виртуальной

реальности (основанной на использовании социальных сетей и мессенджеров), крайне ограничена. Что касается репрессивных методов подавления протестно-революционной активности, то здесь очевиден риск неконтролируемого и опасного развития событий, т.к. «готовность сопротивляться полицейскому насилию в уличной политике зависит очевидным образом от половозрастного состава протестующих (к сопротивлению и ответному насилию более склонны молодые мужчины)» [6, с. 8291].

Кроме того, применительно к России следует отметить, что после митингов 26 марта 2017г. артикулированное признание в медиасфере получил феномен т.н. «непоротого поколения» - подростковой группы, абсолютно не знакомой с фобиями граждан тоталитарного государства, проблемами «лихих 90-х» и выросшей и взрослеющей в обстановке материальной стабильности и галопирующего распространения информационно-коммуникационных технологий. Политически-заметной силой становится поколение, воспринимающее личную свободу, прямые горизонтальные связи между людьми и мгновенный доступ к разнообразной информации как само собой разумеющееся, как неотъемлемые гражданские права. Смогут ли противники «цветных революций» найти общий язык с новой российской молодежью?

В середине 2000-х гг. в качестве конструктивного механизма предупреждения протестных настроений в молодежной среде практиковалось создание и поддержание деятельности проправительственных молодежных движений (GONGO – Government-Organized Non-Governmental Organization) – в противовес тем, которые конструируются идеологами «цветных революций». Употребляемое западными исследователями наименование «Nashi» стало символом вовлечения молодых людей в социальную базу действующего политического режима в России [9, р. 8, 9]. Вместе с тем, функционирование массовых движений зависит от финансовых возможностей государства и окологосударственных акторов, пользующихся преимуществами рентной экономики: в период рецессии такие возможности сокращаются, как, следовательно, и мобилизационный потенциал GONGO. Одновременно

возникает угроза (хаотичного либо организованного) заполнения освободившейся ниши молодыми активистами с протестной социальной повесткой.

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015г., «инспирирование (из-за рубежа – прим. А.Б.) “цветных революций”» включено в перечень «основных угроз государственной и общественной безопасности». Вместе с тем, на фоне быстро меняющегося портрета современной российской молодежи теоретическое и политико-прикладное восприятие феномена «цветных революций» требует существенного пересмотра.

Литература:

1. Бочаров А.В. Коррупция как провокативный фактор в реализации стратегии «цветной революции» // Правоохранительные органы: теория и практика. - 2015. - № 1. - С. 101-105.

2. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. - 2006. - № 5 (56). - С. 58-103.

3. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек / Отв. ред. С. Ю. Малков. - М.: Издательство ЛКИ, 2012. - 480 с.

4. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Арабская весна 2011 года: факторы, закономерности, механизмы и возможности использования результатов их анализа для развития методологии системного мониторинга глобальных и региональных рисков // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Ред. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. - М.: УРСС, 2012. С. 5-11.

5. Мир после кризиса. Глобальные тенденции - 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. - М.: Издательство «Европа», 2009. - 188 с.

6. Розов Н.С. Арабские и «цветные» революции как экспериментальная лаборатория исторической макросоциологии // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. - М.: РОС, 2012. - С. 8287-8293. – URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part63.pdf> (дата обращения: 25.03.2017).

7. Соловей В.Д. «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. – 2011. – № 1 (3). – С. 33-43.

8. Шульман Е.М. Угрозы подлинные и мнимые // Полит.ру. 25.10.2015 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://polit.ru/article/2015/10/25/dangers/> (дата обращения: 20.12.2016).

9. Finkel E., Brudny Y.M. No more colour! Authoritarian regimes and colour revolutions in Eurasia // Democratization. – 2012. - № 1(19). – P. 1-14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://commonweb.unifr.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4760/42821_182433.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

10. Goldstone J. A. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. – 2002. – № 56/1. – P. 3-22.